

Виталий Левченко

СЕРЕНЬКИЙ ВОЛЧОК

Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

18+

Виталий Левченко
Серенький волчок

«Автор»

2023

Левченко В.

Серенький волчок / В. Левченко — «Автор», 2023

Жизнь короля литературных ужасов Антона Куприна и его жены выворачивается наизнанку, когда при очень странных обстоятельствах погибает их маленький сын. Реальность превращается в мистику, а мистика грозит стать жестокой реальностью. Серенький волчок из невинной колыбельной песенки воплощается в несущий смерть персональный кошмар. Но Куприн с женой и не догадываются об истинной причине появления волчка.

© Левченко В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая	5
И пришла сказка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виталий Левченко

Серенький волчок

Часть первая

И пришла сказка

Баю-баюшки-баю, не ложися на краю.

Придет серенький волчок, он ухватит за бочок...

Русская колыбельная

Со дня похорон Алеши прошла неделя.

Водка не спасала. Следовало напиваться до беспамятства, но пить по-черному Антон не умел и не хотел. Жену было невыносимо жалко: ее распухшее от слез лицо стало неузнаваемым, она плохо что понимала. Лена как сомнамбула бродила по кладбищу вокруг свежей могилки, вечерами садилась в Алешиной комнате, без конца крутила домашнее видео.

Куприны не снимали все подряд, и записей набиралось не очень много: дни рождения, праздники да пара коротеньких фильмов, где уместилась пятилетняя жизнь лежащего на кладбище сына.

Сашенька, младший брат Алеши, был слишком мал, чтобы осознавать происходящее. В три года он больше чувствовал, чем понимал. И он ощущал: в доме поселилось что-то плохое, и это связано с исчезнувшим братом. Но сейчас ему требовалось, чтобы все стало как раньше: пусть мама и папа снова будут веселыми, пусть не забывают о нем; мама должна посадить его на колени и рассказать сказку; нужно, чтобы пришел брат и запустил большую красную машину, в которой лежали кубики.

После похорон заглядывали соседи. Часто приезжал Петр. Галина, его супруга, в первые дни не отходила от Лены. Близких родственников у Куприных не было.

Антон не знал, какому богу молиться, чтобы тот вытащил жену из депрессии. Доктора не помогали, антидепрессанты еще сильнее расстраивали сознание Лены. Соседские бабки-шептуньи, то ли от искреннего сочувствия, то ли от любопытства посмотреть, как живут богатые, приносили травяные настойки, крестились и глазели по сторонам. Антон благодарил, брал зелья, но жене давать их не решался: кто этих бабок знает, чего они намешали туда. Если что-то и поможет – так только время.

Как-то вечером Лена присела у окна. Лил дождь.

– Это серенький волчок... – прошептала она.

– Крольчонок мой... – Антон обнял жену.

Она резко отстранилась.

– Больше никаких крольчат, Тоша! – в ее голосе появилась жесткость. – Есть только серенький волчок!

Антон не понял: или жена заговаривается – или он стал плохо соображать?

– Леночка... Я не знаю, о чем ты...

– Дверь ни при чем. И Алешенька не сам вышел. Это все волчок, серенький волчок. Это он погубил нашего сыночка! До тебя еще не дошло?

Жутко, когда сходит с ума родной человек, страшно слушать, как он бредит с таким видом, словно речь идет о вполне обыденных вещах. Антон бывал в психиатрических клиниках, когда собирал материал для одной из книг о маньяке. Ему показывали потерявших разум. Фактически таковых было мало. Это в фильмах психушки переполнены пророками и жертвами

вселенского зла. В реальности основная масса пациентов лечится от других психических расстройств. Можно сказать, почти адекватные личности. Настоящие редкие сумасшедшие лежат в отдельных палатах. Там и контроль другой, и отношение соответствующее. Антона пугали именно такие. В своем безумии они походили на марионеток потусторонних сил.

– Ты думаешь, я спятила? – укоризненно усмехнулась Лена, глядя, как напрягся Антон. Она встала, сжала руку мужа.

– Тоша, ты же писатель, ты должен понять! Давай сопоставим факты, сам убедишься. В конце концов, все логично и объясняется именно этим, а не дурацкими версиями следователя, – Лена печально улыбнулась и добавила, уже тише:

– А если выяснится, что я все-таки... того, что ж... хуже не будет. Попробуй понять! Хотя бы ради Алешеньки!

Антон смотрел на жену: нет, на безумную Лена не похожа. Скорее на человека, который сумел взять под контроль горе и теперь пытается осмыслить случившееся. Пусть выдумывает что угодно, даже бред. Только не депрессия, она хуже всего. Главное – Леночка возвращается к жизни.

Со времени смерти сына Антон выдохся на ноль. Саша и Лена требовали постоянной заботы и внимания. Но все же он кое-как дописывал книгу ночами: сорвать договор с издательством на большую повесть Куприн не мог. С деньгами было ой как не густо. К тому же он понимал: бросить писать, пусть и на короткий период – это смертный приговор. Последние две книги, вопреки его уверенности, не стали бестселлерами и продавались плохо. Фантазия и талант подвели писателя. И даже не они, а некий элемент случайности, для которого в мире литературы тоже есть почетное место.

В чем тут дело – Антон понять не мог. Сюжеты закручены лихо: мистика, убийства, секс и любовь – для тех, кто любит подобное чтиво; и таился в книгах серьезный психологический подтекст – для читателей, требующих в произведении того самого пресловутого искусства. И реклама вышла хорошая. Все зря. До тиража дополнительного дело так и не дошло, до экранизации – тоже.

И теперь почти законченная большая повесть была, как говорят в спорте, решающей попыткой хотя бы удержать рекорд. На мелкие заработки от презентаций, интервью и прочих «встреч с писателем» особо не разживешься, особенно в таком доме. Том самом доме, о котором они мечтали с женой очень давно. Год назад мечта сбылась.

Они начали строиться в уютном поселке на юго-западе области. Хотелось подальше от суеты и цивилизации. Постоянно жить в Москве – с ее пробками, грязной водой и загаженным воздухом – желания не было.

Летом Куприны спасались на даче, пока грезы о загородном доме становились материальными. Антон потратил на его постройку все деньги, накопленные за годы литературных трудов. Шутил, что теперь у них появится собственное имение. К тому же дети. А детям нужен большой уютный дом.

Журналисты обо всем пронюхали, и почти на каждом интервью всплывала эта тема. В бульварных газетенках и в интернете мелькали его портреты вместе с фотографиями стройки: мол, знаменитый писатель готовится стать отшельником, Москва прощается с известным королем мистической литературы и прочая ерунда.

Антон четко разделял личную жизнь и работу, заранее оговаривал перечень тем, на которые говорить публично не хотел. О своих книгах – пожалуйста; о литературе и в общем, и в частности – с удовольствием. А личное – извините. Поэтому однажды он без колебаний согласился на съемки в познавательной программе для подростков, где вопросы задает юное поколение. Оно, это поколение, хотя бы не будет жаждать его крови и пытаться уловить в словах скрытый смысл.

Антону сообщили о дате и времени эфира.

Только в тот день все пошло не так.

С утра у Сашеньки, которому исполнилось полгода, поднялась высокая температура, и он не прекращал плакать. Вызвали «неотложку». Антон уже должен был выезжать на съемки – и вот беда с сыном.

Позвонили знакомому педиатру. Тот посоветовал дожидаться «Скорой»: скорее всего, простуда.

Антон схватил сумку.

– Леночка, будем на связи. Если врачи, не дай бог, найдут что-то серьезное – тут же звони. Поедем в больницу к Сергею Павловичу.

Жена ходила по комнате, прижав к себе сына.

– Езжай, Тоша. Мы сами справимся. Ты все равно здесь не сможешь. Мне кажется, я простудила его вчера. Дура, надо было окно закрыть вовремя! Как бы и Алешенька не заболел.

Лена осторожно положила заплаканного Сашу в кресло.

Куприн поцеловал жену.

– Не наговаривай на себя, все будет хорошо. Звони. Хотя, черт, я же на съемках буду, совсем забыл. Ладно. Я сам перезвоню.

За каким-то чертом он поехал по Тверской, и на пересечении с Большой Садовой застрял в пробке. Передача шла в прямом эфире, из студии трезвонили ежеминутно, пока Антон дергался среди ползущих машин.

Он набрал Лену. Жена успокоила его. Врач уже обследовал сына: ничего страшного, всего лишь легкая простуда. Поговорив, Антон облегченно вздохнул: одной проблемой меньше.

На эфир он почти опоздал. А такие манеры были не в его правилах. Антон почувствовал себя виноватым и от этого снова разнервничался. На гримерку времени уже не оставалось, его мазнули кистью на ходу, чтобы лицо не блестело под софитами. Куприн попытался сосредоточиться и сел в кресло перед аудиторией.

Антону приходилось публично общаться с подростками. Задавали они вопросы в основном наивные и типичные для своего возраста: откуда он черпает вдохновение, где берет сюжеты, кем хотел стать в детстве, сколько лет пишет, какой у него распорядок дня и, конечно же, коронный вопрос – как стать писателем?

В этот раз было по-другому. Обычных вопросов задавали мало. Группа ребят в переднем ряду словно сговорилась: дотошно и скрупулезно выясняли гонорары. Куприн дипломатично избегал конкретики. Из разных рядов, как атака, пошли один за другим вопросы о строящемся доме, предполагаемом переезде, о том, как он платит налоги. Спрашивали о совсем личных, даже интимных, сторонах жизни. Например, правда ли, что секс противопоказан творчеству?

– Я уверен: любовь во все времена вдохновляла мужчин на создание прекрасных произведений искусства, – улыбался Антон, а сам думал: что сейчас происходит?

«Это наваждение. Какой возрастной рейтинг у передачи? Сколько лет этим мерзавцам? Я от жизни отстал или это месть редактора за опоздание? И почему ведущая пустила все на самотек и так гаденько улыбается?».

Донимали Антона еще некоторое время. Он вежливо отвечал, а сам украдкой нащупывал в кармане пиджака мобильник. Может, врач ошибся? Вдруг они все-таки поехали в больницу? Скорее бы закончить здесь.

Ведущая, известная журналистка, дамочка с крысиным лицом, спросила: может ли он прямо в студии оценить литературный талант юных дарований и что-нибудь посоветовать? Пришлось согласиться.

– Только сделаем так, – вытянул палец Антон. – Дайте мне что-нибудь коротенькое. Рассказ. Кто-нибудь один. Этого достаточно. Как правило, у начинающих авторов общие ошибки. О них и поговорим.

Ребята подняли листы. Антон обвел взглядом трибуну.

«Вот они – будущие булгаковы и лавкрафты. Кого выбрать? Передних я отсею. – Он улыбнулся: это будет его маленькая месть за некорректные вопросы. – Выберем других. Ага, последний ряд, девушка интересная: очень эффектная блондинка в черном. С такой надеждой заламывает руки, словно это последний шанс. Ее и возьму».

Девушка робко спустилась с трибуны, присела в кресло рядом с Антоном, испуганно глядя на живую легенду. Представилась: зовут ее Катя, шестнадцать лет, пишет с детства, любит природу и животных.

Антону ее лицо показалось смутно знакомым. Может, на каких-то презентациях видел? В издательстве? Нет. Вон, у нее глазик немного косит, он бы запомнил.

Куприн не спросил, откуда она, чтобы не смущать и без того раскрасневшуюся от неловкости юную писательницу. Несмотря на ее стильную одежду, он был убежден, что приехала она из глубинки.

Антон взял у Кати листок. Про себя загадал, что это лирические страдания. Пробежался взглядом по строчкам. Начал читать вслух. Какая-то сказка об умершей или уехавшей куда-то подруге, гармонии души и природы... Белиберда. К тому же настолько бездарно написано, что у Антона родилось подозрение: а не проверяют ли его на вшивость этой подставой? Даже грамматические ошибки проскакивают. В шестнадцать лет любой старшеклассник накалякает лучше. Они это серьезно?

Он взглянул на девушку.

Нет, это не было ни подставой, ни розыгрышем. Она широко раскрыла красивые, с длинными, по всей видимости, настоящими ресницами, глаза и смотрела на него, сдерживая слезы. Антон поежился: этого еще не хватало. Ему стало жаль девчонку.

«А нужна ей правда? Лучше пусть это будет ложь. Та самая ложь, которую называют святой. Кто посмеет меня осудить?».

Куприн кивнул и ободряюще улыбнулся.

– Неплохо, можно сказать, даже перспективно. Талант у вас есть, слово вы чувствуете отлично. Но... практика и еще раз практика. Пишите больше. И больше читайте хорошей литературы!

Он наспех сказал просиявшей от счастья Кате еще несколько вселяющих надежду слов. Следовало закругляться: эфир заканчивался.

После передачи Антон быстро подписал протянутые ему книги, попрощался и вышел из студии. Позвонил Лене.

С сыном все было хорошо. Сашеньке сделали укол. Он успокоился и уснул.

– Ну вот и слава богу. Крольчонок, я уже еду. Целую.

На парковке возле машины Куприн столкнулся с Яной Золотницкой. Это она когда-то написала два сценария к фильмам по его книгам. Еще один сценарий Антон и Яна создали вместе. Золотницкая относилась к женщинам того типа, что одинаково комфортно чувствуют себя и в кругу мечтательных юношей, и в компании солидных мужчин.

– Как эфир?

Антон знал, что спрашивает она не из вежливости, ей действительно интересно. Неожиданно для себя он с раздражением рассказал об эпизоде с Катей.

– Я не могу понять, ведь не ребенок уже! В шестнадцать лет сочинять так нескладно. А писать начала, когда только в школу пошла. Это даже не графомания, это какая-то патология. Да по ней и видно, что больная, да к тому же косоглазая. Ну что мне нужно было сказать? Все равно, чувствую себя дерьмом...

– Анто-он!

Золотницкая охнула, сделала страшные глаза и ткнула пальцем ему за спину. Он быстро обернулся. Возле машины стояла Катя. Она прижимала к груди его книгу. Ударь Куприн девушку ножом, ее взгляд не сказал бы больше: было в нем и удивление, и отчаяние, и такая мука, что Антона кинуло в жар. Так стыдно ему в жизни еще не было.

Он смотрел на Катю и чувствовал себя уже не дерьмом, а убийцей.

Катя попятилась, положила книгу на капот машины – и побежала прочь с парковки.

– Господи, куда мир катится, ей бы от первой любви так страдать! – вздохнула Золотницкая.

Настроение у Антона окончательно испортилось. Он попрощался с Яной и поехал домой.

Первое время оторванность от цивилизации на новом месте была приятна: тишина, сладкий воздух, березки, пруд – все стало реальностью. Но потом замелькали тревожные мысли. А стоило ли забираться так далеко от Москвы? А вдруг срочно понадобится врач? Звонить местным коновалам? А подрастут дети – в какую школу их отправлять? Опять в Москве покупать жилье? Может, действительно стоило приобрести не очень большой готовый дом в ближнем Подмоскovie? Или построить. Лена предлагала такой вариант. Но ему захотелось хорошей экологии, подальше от мирской суеты в большом имении. И вот – получай, что хотел. Здесь им предстояло обосноваться крепко и надолго. Быть может, навсегда. Квартира продана. Дача тоже. Пути назад не было.

Куприн отмахивался от пугающих мыслей. Он закончит книгу, продаст права на экранизацию. Деньги появятся. И все встанет на свои места. Да и поселок в стратегическом отношении перспективный: Москва, поговаривают, поползет на юго-запад.

Новоселье справляли тесным кругом: ждали только друзей – Петра и Галину. Погода была теплой, и стол решили накрыть на террасе.

Не успели постелить скатерть, как приехали гости. Галина торжественно вытащила из багажника корзинку с пушистым рыжим котенком.

Петр не церемонился.

– Получай, дружище, владей и радуйся!

Он развернул черный бархат и протянул новоселу длинный чехол.

– Петро, неужели он самый? – Антон с восхищением взял подарок.

Галина опередила мужа с ответом. Покрутила пальцем у виска.

– Ленка, нет, ну ты скажи, нормально это? Ружье дарить?

Лена бегала от детей к гостям и обратно, но момент вручения подарка мужу застала. Она закатила глаза и пожала плечами.

– Мужчины всегда остаются охотниками, даже писатели. Это у них атавизм пещерный такой, – она скорчила рожицу и показала мужу язык.

– Женщины, ну что бы вы понимали! – деланно возмутился Петр. – Галкин котенок лучше? Забрались в глухомань, живете без охраны. Хоть решетки на окна догадались поставить. А ружье – оно и в Африке ружье. Точнее карабин «Вепрь»! С ним спокойнее. Правда, Антоха?

– Пойдем, подруга, в детскую, а эту малышню оставим здесь, – Галина презрительно фыркнула, сняла с плеча фотоаппарат; они забрали корзинку с котенком и, подтрунивая над мужьями, удалились.

Антон кивал, поддакивал, а сам слушал шуточную перепалку вполуха. Он с недавних пор подумывал о таком оружии. Не для защиты, нет. В кого стрелять? В местных алкоголиков? Карабином просто хотелось владеть. Знать, что у тебя есть эта вещь. Тем более выглядел он очень эффектно – как настоящий автомат, особенно если разложить приклад.

– Спасибо, Петро! – Антон крепко обнял друга.

– Антоха, давай по пивку, пока девчонки ребят займут, на стол накроют. Заодно про регистрацию ствола объясню.

Антон взял карабин, и друзья отправились на кухню.

– Тошенька, ты слышишь меня?

Антон очнулся и понял, что жена давно пытается достучаться до него. А он провалился в воспоминания.

Лена поставила турку со сваренным кофе на столик. Поцеловала мужа.

– Твой любимый, четыре ложки, с корицей.

Он обнял жену, уткнулся лицом ей в живот.

Поверить в то, что доказывала Лена, невозможно. А говорила она вещи жуткие в своей запредельности. И дело не только в мифическом сером волчке. Слушать ее – означало опять погрузиться в прежний кошмар. Где взять силы?

Он закрыл глаза, и страшные воспоминания снова захватили его...

Было раздирающе больно. Антон оцепенело стоял возле густых зарослей осоки. Вчера здесь, именно в этом месте, они устроили пикник. Алешка ловил сачком бабочек, смеялся, толкал в бок Сашу, как на перину, падал в густые травы, а потом сидел на пледе и пускал через соломинку пузыри в бутылку с соком. Трава до сих пор смята, вчера они затеяли шуточную борьбу. А сейчас...

А сейчас Алеша лежал на спине. Разорванное горло... Рана в боку... Кровь! Много крови...

– Да накройте вы тело! – скомандовал кто-то.

Антон начал терять сознание, но успел схватиться за ветку. Один из медиков поднес к его носу ватку с нашатырем. Он опустил на землю.

– Пустите меня! – услышал Куприн голос жены. Хотел встать и остановить ее, но опоздал, и его самого остановил нечеловеческий крик.

Страшная весть разлетелась быстро. Возле дома собирались кучки поселковых жителей. Появились столичные журналисты. Полиция разгоняла народ, но зеваки уходили неохотно.

Версию о взломе и похищении сыщики сразу отвергли, осмотрев окна, двери и замки. А супруги и сами подтвердили, что ребенок мог выйти из дома без чьей-либо помощи.

– Вы запираете входную дверь на ключ? А калитку в воротах – тоже на ключ? – следователь Гришин говорил тихо, но твердо. Даже у него, опытного майора, зубы скрипели, когда он думал о трупе в лесу. Человек такого не сотворит. Тело могло быть растерзано зверем. Но настолько лютого зверя, чтобы на мальчишку напасть, пусть даже маленького, здесь давно не водилось. Скорее всего – грызуны. Майору приходилось видеть тела, объединенные крысами. Иногда стая жрет так, что множество мелких укусов напоминают одну большую рану, словно от крупного хищника. При первичном осмотре легко спутать.

Есть ли вероятность, что мальчик был уже мертв на момент получения ран? Вряд ли. Слишком много крови. Что же выходит: как в средневековье, крысы нападают на людей? Бред! Нужно дождаться заключения экспертизы. Вдруг и впрямь зверюга завелась в лесу.

Интуиция подсказывала Гришину: дело будет очень проблемным. А еще следы на месте преступления: там явно топтался кто-то. Криминалисты скажут более конкретно. Но что труднее всего будет установить – как ребенок оказался в лесу. Кто-то заманил? И самый главный вопрос: кто убил? Не дай бог, если все же маньяк какой объявился. Только этого не хватало. И так в последнее время журналоги сводят людей с ума выдуманными и невыдуманными историями про педофилов-убийц. И вот теперь здесь, с этим писателем. Какой черт занес их в

такую глухомань? Рублевки им уже мало. Почему не поставили в дом камеры слежения, сигнализацию? Это многое бы прояснило.

Антон и следователь сидели в гостиной. Галина дала Лене ударную дозу снотворного и увела в спальню. Наверху, в комнате Алеши, работала следственная группа. Во дворе что-то вымеряли и фотографировали.

– Значит, вы утверждаете, что ваш сын мог самостоятельно открыть двери?

Гришин терпеливо смотрел на писателя. А Куприн вспомнил о двух странных случаях. Первый произошел еще в квартире, в Москве. Второй – уже в доме.

Однажды ночью Антон встал выпить воды. Возвращаясь в спальню, заглянул к сыну и вздрогнул: Алеша стоял посреди комнаты, лицом к окну. Стоял неподвижно. Глаза были открыты. Белая пижама ярко вырисовывалась в свете луны.

Антон тихо вошел в комнату, прикоснулся к плечу мальчика.

– Алеша!

Ребенок очнулся. Испуганно посмотрел на него и протянул руки.

– Папа!

– Ты чего, Алешенька? Спать не хочешь? Пойдешь к маме и папе? Да? Вот и хорошо.

Он отнес сына в спальню. Осторожно, чтобы не разбудить жену, положил рядом. Задумался.

Что это было? Лунатизм? Не стоит сразу паниковать. Вчера они долго гуляли в развлекательном комплексе. Алеша ни на минуту не приседал. Да еще эти аниматоры, собравшие возле себя кучу ребят. Масса впечатлений. Полторагодовалому ребенку этого хватило. И укладывали они с женой его долго. Алеша капризничал и никак не хотел засыпать. Видимо, перевозбужденная психика и подняла сына посреди ночи.

Утром, опасаясь волновать беременную жену, он сказал, что Алеша просто захотел к ним.

Второй случай произошел спустя неделю после переезда.

Тогда, к ночи, погода испортилась. Налетел ветер, пошел дождь. Лена укладывала детей. Антон ждал ее в своем кабинете. Новая книга была закончена, и это следовало отметить.

Он налил шампанское, зажег свечи. Подумал о жене.

За шесть лет в браке их отношения не заросли рутиной и бытом. Леночка молодец. Конечно, это в основном ее заслуга. Он ежедневно по семь часов сидит за компьютером. А на ней дети, дом, кухня, стирка и куча других дел. Даже успевает какие-то книжки по эзотерике изучать.

Еще когда не было детей, он предложил нанять домработницу. Лена категорически отказалась. Ей нравилось делать все самой. Ежедневные заботы она умудрялась превращать в творческий процесс. К этому тоже нужен талант. Ничего общего с типичными домохозяйками или светскими прожигательницами денег, за которыми прочно закрепляется эпитет «жена такого-то».

Открылась дверь, вошла Лена. Русые волосы распущены. Натуральная блондинка, она и косметикой пользовалась неохотно. А сейчас в своей естественности выглядела особенно очаровательно. Красный полупрозрачный пеньюар, черные кружевные трусики и узенький бюстгальтер. Босая. При свечах она была похожа на фею. Если только бывают такие сексуальные феи.

Антон отложил распечатанные листы.

– Ты думаешь, я смогу сейчас спокойно читать? – улыбнулся он, касаясь рукой мягких локонов.

– Тоша, не будем нарушать традицию, – Лена юркнула в кресло и скрестила ноги. – Сначала роман, – глаза ее искрились.

– Истязательница! – вздохнул он и взял лист.

Так уж повелось у них, что последние страницы законченной книги, прежде чем отдать ее в издательство, обязательно прочитывались супругами в торжественной обстановке.

Антон протянул жене шампанское, взял свой бокал.

– Свершилось! – потряс он листами.

– Свершилось! – таинственным шепотом повторила Лена, и они рассмеялись.

Антон дочитал почти до конца. Осталось несколько строк.

Лена вдруг насторожилась и подняла руку. Антон замолчал.

– Тоша, ты слышишь?

Он уловил звук. В холле. Дождь снова ударил в окно – и на секунду стало тихо.

– Алеша! – Лена бросилась из комнаты. Он – за ней. Кабинет Антона примыкал к холлу и располагался особняком: чтобы ничто не отвлекало от работы.

Массивная входная дверь дома была распахнута. На террасе, за проемом, стоял Алеша. Обернувшись к родителям, он заплакал. Антону на мгновение представилась какая-то чертовщина. В белесом свете фонарей сынишка походил на маленькое привидение. Но вот Лена подхватила малыша, и он уткнулся ей в плечо.

Она захлопнула дверь. Обернулась к мужу.

– Я же закрывала замок! Как он достал до ключа?

Антон обнял их. Поцеловал сына.

– Ну и напугал ты нас, разбойник! Скажи, как ты открыл дверь?

Лена покачала головой.

– Нет, не сейчас. Он и так напуган. Это все погода. Отнесу его к нам.

Жена отправилась в спальню.

Антон подошел ко входной двери. Осмотрел ее.

Неужели четырехлетний сын смог дотянуться до ключа? Замок достаточно высоко. Чтобы открыть его, Алеша, видимо, встал на цыпочки. А потом повернул ручку. Черт! Нужно вытаскивать ключ. Да и сам замок надо было ставить выше. Но кто же знал...

Антон открыл дверь. Шагнул на террасу. Рвался ветер, и шумел дождь. Свет фонарей на невысоких колоннах у стены доставал до нижних ступеней лестницы. Примыкающая к ним дорожка и все вокруг скрывалось во мраке. Свет создавал границу, и дом был надежным бастионом посреди темного природного хаоса.

Куприн включил освещение на всем участке, и ему стало спокойнее.

«Надо завести сторожевую собаку, – подумал он, закрывая дверь. – Но что происходит с сыном? Повторяется случай в квартире? Как давно это было. Может, всему причиной переезд? Все-таки нужно показать Алешу невропатологу. Так и до лунатизма недалеко».

Он зашел в кабинет, потушил свечи. Поднялся в спальню.

Алеша спал, свернувшись клубочком. Лена сидела рядом. Покачиваясь, напевала:

Баю-баюшки-баю,

не ложися на краю.

Придет серенький волчок.

Он ухватит за бочок.

Лена часто пела детям колыбельные. Но эта песня была особой. Жена хвалилась, что сегодня никто не знает текста полностью, а вот она помнит. Когда у нее брали интервью из журнала «Наши любимые», она даже упомянула об этом специально.

И утащит во лесок,

под ракитовый кусток.

Эта добрая детская песенка вдруг показалась Антону не такой уж невинной.

К нам, волчок, не ходи,
и Алешу не буди.

Осмотр у невропатолога не дал однозначного ответа. Приступы лунатизма, как объяснил доктор, не так редки среди маленьких детей. Но со временем они проходят. Скорее всего, это была реакция на стресс после переезда. Мальчик очень активный. Нужно занимать ребенка подвижными играми.

По строгой договоренности супруги перестали оставлять ключ в замке входной двери. Ночных происшествий больше не было.

Все эти подробности Антон вспоминал уже сейчас, когда жена рассказала ему о сером волчке. А тогда, после вопроса следователя, мог ли ребенок самостоятельно открыть двери, перед глазами возникли только два видения: Алеша ночью посреди своей комнаты и Алеша на террасе.

Антон кивнул и опустил голову.

– Мог. Поэтому мы вынимали ключ из двери. Он лежал в вазе на столике... должен был лежать... Это мы виноваты.

Далее стали выясняться странности. Даже без маньяка выходила жуткая история.

Майор Гришин понял, что мальчик, скорее всего, был лунатиком. На ключе от дома обнаружились отпечатки его пальцев. Следовательно, он самостоятельно открыл входную дверь. Смазанные следы нашлись на засове калитки и очень четкие – на ее нижнем торце. Выходит, что до засова ребенок дотянулся кое-как. А потянул на себя калитку он уже за торец.

Гришин вздохнул. Что за родители! Преступная беспечность. На их месте он приковал бы ребенка-лунатика наручниками к кровати, лишь бы ничего не случилось. Впрочем, знать бы, где упасть...

Но эти детали не добавляли к делу ничего существенного. А вот остальное было хуже.

Судя по составу частиц грязи на босых ногах, а также по следам на земле, мальчик сам прошагал весь путь от дома до леса. А это без малого километр. Кто или что могло завлечь ребенка ночью в лес? Хотя хождение во сне мотивировок не требует. Бывали ведь случаи, когда лунатики балансировали на краю крыши, двигались по карнизам. Как мальчуган оказался в лесу – конечно, важно. Но есть и другие вопросы.

Криминалисты выяснили: ребенок убит на месте, где обнаружили тело. Медэкспертиза установила, что смерть наступила примерно в два часа ночи в результате полученных травм – тех самых укусов, которые принадлежали вовсе не лесным грызунам, а волку. Волку обыкновенному серому, если быть точнее. И чертовски крупному. По отметинам на ранах вес зверюги выходил около восьмидесяти килограммов. А это много для местных волков, очень много, водись они до сих пор в здешних местах.

Нашли на теле и несколько волосков волчьей шерсти.

Поговорив с экспертами, Гришин задумался: вот такое простое трагическое происшествие? Страшная, но все-таки случайность? Тем не менее следовало проверить все досконально.

Осторожно отработали версию с причастностью родителей и друзей. Не складывалось. Опросили соседей, местных бомжей. Никто ничего не видел. Поселок по форме представлял собой сильно вытянутый с одного конца треугольник. Дом писателя находился в самом углу этой фигуры, другими словами, стоял на отшибе. Местные, хоть и любили, как это водится

в деревнях и поселках, интересоваться чужими делами, но к Куприным не лезли: глазели со стороны.

А с проклятым волком были еще неясности: на теле следы звериных клыков есть, но в ранах не обнаружили частиц волчьей слюны. Как такое возможно? На земле возле кустов различимы следы ребенка, а рядом – следы волчьих задних лап, словно зверь на двух ногах передвигался.

Гришин сидел у себя в кабинете, смотрел на папку с делом и смолил одну за другой сигареты: чертовщина какая-то, впору подумать про оборотня! Может, и действительно что-то такое существует. Не зря же эти байки испокон веков мусолят. Но хорошо, что никто не знает, о чем он сейчас размышляет. Иначе списали бы его со службы за такие версии, и вместо своей конторы числился бы он в другом заведении: с решетками на окнах и людьми в белых халатах.

Майор раздавил окурочек в пепельнице. В жопу такие мысли! Оборотня в качестве подозреваемого не привлечешь. Нужно искать конкретного зверюгу, который объявился в здешних краях. Подключить зоотехников и местного егеря. Дать ребятам команду проверить все зоопарки и цирки – может, и сбежал какой хищник. Найти всех частных владельцев волков по области.

Антон уже сомневался: радоваться, что жена вышла из депрессии, или пугаться? Похоже, рассудок у Леночки был-таки помутнен. Мысли о гибели сына она поведала спокойным тоном, словно для нее все давно стало ясным, и следовало только открыть мужу глаза.

Он решил: если жена действительно не в себе – возражать бесполезно. Пусть расскажет. Куприн знал: в безумии бывает логика. Иногда, следуя ей, человек изживает сумасшествие.

Антону вспомнился знакомый психиатр, Макаров. Заведовал тот элитной клиникой и был главврачом. Однажды Макаров за рюмкой коньяка поведал интересную историю из практики.

Поступил к ним парень по имени Витя. А случилось вот что. Бедняга в один прекрасный день решил, что обретет спокойствие, если только убьет шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть мух. Начал он в квартире. Потом возле мусорных контейнеров в ближайших дворах. А продолжил в больничной палате, куда его доставил отец после того, как Витя решил половить мух в офисе папы, когда тот принимал французских партнеров по бизнесу.

Витя шнырял по коридорам клиники, на прогулках ловил руками воздух, устраивал засады в туалете. В неудачные дни охоты он становился буйным. Зимние периоды были для него катастрофой. Лечение не помогало, и хоть парень осознавал абсурдность навязчивой идеи – поделаться с собой ничего не мог. В остальном это был вполне адекватный молодой человек. Главврач строго-настрого запретил медсестрам и санитарам трогать пластиковые баночки с пойманными мухами в тумбочке парня. Даже распорядился, во избежание вандализма со стороны соседей из других палат, поставить на дверцу тумбочки маленький замок, один ключ оставил себе, другой – отдал мухолову. Требовалось понять, что произойдет, когда тот выполнит свою миссию. На это Вите понадобилось два года и четыре месяца.

Однажды утром парень постучал в кабинет главврача. Он спокойно поставил на стол три баночки, под завязку наполненные мертвыми мухами.

– Ровно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть. По две тысячи двести двадцать две в каждой банке. Можете пересчитать. Давайте меня выписывать. Я закончил. Теперь я здоров, – усталым голосом заявил он.

Макаров улыбнулся.

– Ну что же, поздравляю! Если вы уже здоровы, то вам не составит труда задержаться у нас еще на недельку – другую? Так сказать, для гарантии. Но теперь волноваться не о чем. Да и мне нужно заполнить кое-какие бумаги по вашему случаю. Ведь, согласитесь, то, что произошло с вами, действительно уникально? – психиатр внимательно посмотрел на Витю.

Он применил классический прием: несогласие врача с мнением больного о выписке – сродни красной тряпке в руках матадора, и подавляемая пациентом в беседе скверна тут же выдает себя.

Однако Витя отреагировал адекватно. Немного удивился, но согласился на предложение врача. Все две недели он вел себя как нормальный человек. На мух – никакого внимания.

Реализовавшись полностью, навязчивая идея испарилась.

Лена и Антон сидели в гостиной. На ковре возился Саша. Он пытался сложить яркие пазлы в картинку – задача очень трудная для трехлетнего малыша, но папа и мама помогать не собирались. Они пили чай и беседовали.

Со стороны могло казаться, что это обычный вечер благополучной семьи, тихая идиллия. Только разговор у супругов шел более чем странный.

– Так ты считаешь: серенький волчок заманил Алешу в лес и напал на него? И все это не сказки?

Антон старался говорить спокойно. Но какое, к дьяволу, спокойствие! Одно дело выдумывать несуществующие ужасы и описывать их в книгах. И совсем другое – когда ты вдруг становишься персонажем кошмара наяву. А твоя жена здесь – центральный герой. Куда делась граница, прочно разделяющая эти миры? В разуме жены она полностью стерлась.

Лена скрестила руки.

– Я сто раз повторяла это. А ты не веришь мне. Пускай так. Но, скажи, ты знаешь, что такое визуализация?

Антон наморщил лоб, вспоминая, что это означает в контексте эзотерики.

– Это из какого-то новомодного учения? Когда объект мыслей становится реальностью? По щучьему велению, по моему хотению! Подумал о чем-то – и оно появилось, – усмехнулся он.

Жена вздохнула.

– Напрасно иронизируешь. Не все настолько прямолинейно и примитивно. Но ведь давно доказано: яркая мысль может материализоваться. Происходит нечто, о чем постоянно думаешь, чего больше всего хочешь или боишься.

Антон пристально посмотрел на Лену.

Вслух он сказал:

– Бывает. Но это совпадение.

– Это не совпадение, – покачала головой Лена. – В определенный момент сила наших мыслей может изменить реальность, ну... хотя бы немного подействовать на нее. Хорошо, вот тебе конкретный пример. – Она оживилась. – Возьмем церкви, храмы. Земля возле них святая, намоленная. Это особые места с очень сильной энергетикой. Они впитывают молитвы прихожан десятки, сотни лет. То же самое и с иконами. Их лечебные свойства признают даже ученые.

Лена придвинулась к мужу.

– Теперь смотри, что получается. Колыбельная про волчка – это русская народная песня. Миллионы и миллионы мам и бабушек на протяжении веков пели эти слова детям. Я тоже пела...

Она вытерла заблестевшие глаза и судорожно вздохнула.

– Возможно, каким-то образом серый волчок от этой песни становился все реальнее и реальнее. Пока не стал совсем настоящим. И однажды хватило одной колыбельной... – Лена всхлипнула, – моей колыбельной, и она сработала как ключ, она впустила волчка в наш мир. В этом не обязательно видеть мистику, вполне вероятно, здесь какие-то законы природы, просто мы ничего не знаем о них. Неужели тебе так трудно допустить эту мысль?

Она горько усмехнулась, с укором посмотрела на мужа.

– Ты предпочитаешь верить в огромного лесного волка? Волк появился неведь откуда и непонятно куда исчез? Наверное, он следователя испугался!

Антон вглядывался в лицо жены: нет, Лена определенно не сошла с ума. Она скорее походила на маленького ребенка, для которого Дед Мороз и Баба-Яга такие же реальные, как и люди вокруг. Логика в ее рассуждениях была. И если ее принять, – в голове у Антона раздался тревожный сигнал, – то можно объяснить и смерть сына, и таинственные волчьи укусы, и странные следы. А версия следствия могла быть убедительной, если бы в этих местах достоверно водились такие большие волки. Но их нет. Никаких нет.

Куприных держали в курсе расследования. За короткое время были подняты списки всех владельцев диких животных по области, в том числе и волков. Проверены все питомники и зоопарки. Результаты ничего не дали.

Из маленького семейного цирка сбежала молодая волчица. Но это произошло в другой стороне, почти у Владимирской области. Да и весила она, судя по документам, всего четырнадцать килограммов. Маловато для монстра.

В Звенигороде неделей ранее у местного бизнесмена из вольера исчез американский волк. Тоже размером не вышел, и порода другая, но это могло стать хоть какой-то зацепкой. Однако быстро выяснилось, что вечером, накануне убийства мальчика, труп животного был обнаружен возле ближайшего поселка.

Местные мужики приходили к Куприным. Обещали найти зверюгу. Детей перестали выпускать за двери без взрослых. Но у школьников начались каникулы, и удержать их дома не мог даже ремень. Участковый упорно колесил на мотоцикле по округе: пытался выискать хоть что-то.

Антон мучился необходимостью сходить на поляну и попытаться еще раз все понять. Но заставить себя он не мог и едва справлялся с воспоминаниями страшного дня.

Июнь приближался к солнцестоянию. По такому случаю Куприны решили организовать пикник. Незадолго до этого Лена и Алеша нашли замечательное местечко. Лена уверяла, что это лучшая полянка для отдыха, и не очень далеко от дома. Небольшой пятячок земли с коротенькой травкой-ползунком прикрывали с одной стороны кусты смородины, рядом росла береза. Высокие травы словно специально обходили это место вкруговую, и если прилечь на землю, то можно было спрятаться от посторонних глаз, потому как метров за пятнадцать полянка надежно скрывалась из вида. Впрочем, таиться не имело смысла. Судя по нетронутой зелени, местные хаживали здесь редко.

Лена сплела всем из тонких веточек и цветов венки, и дети стали похожи на эльфов, вышедших из леса навстречу солнцу.

Антон стоял на краю полянки, жевал бутерброд и оглядывался: повернувшись к березке спиной, можно разглядеть вдалеке верхнюю часть крыши их дома; а вон там, за колышущимся ковром зелени, лес густеет – хоть и не тайга, но ходить туда детям, когда подрастут, самостоятельно не стоит: мало ли кто может бродить в такой глуши. Вот и сейчас Антону показалось, будто мелькнуло что-то среди берез и ельника. Видимо, кто-то из местных прошел. А может, в глазах заребило. День выдался солнечный и яркий, могло и привидеться.

Алеше так понравилось в этом месте, что стоило большого труда уговорить его собрать вещи. По пути домой Лена клятвенно пообещала сыну прийти сюда на следующие выходные. Она несла корзинку с остатками еды, плед и покрывало. Антон нес Сашеньку.

Зайдя в дом, Лена собралась накрывать на стол, но Антон и Алеша дружно запротестовали, а Саша и вовсе засыпал. Все устали, поэтому ограничились уцелевшими бутербродами из корзинки и киселем из холодильника.

Младший разоспался вовсю. Ребенка пожалели и не стали купать. Алешу ванна размо-рила окончательно. Зевая, он добрался до постели, но не уснул, а потребовал «Волчка».

– Тебе уже пять лет, сынуля, – Лена чмокнула его в лобик. – Про волчка – это Саше нужно слушать. Давай лучше Винни-Пуха?

– Нет, волчка, волчка! – закапризничал Алеша, зарываясь в подушку.

– Ну хорошо, хорошо. Будет тебе волчок.

Лена присела на кровать и привычно начала:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

Сын уснул. Лена расправила на стуле его одежду, потушила свет и тихонько вышла из комнаты.

Антону хотелось пару часов поработать над книгой. Он поцеловал жену, пообещал долго не засиживаться и направился в кабинет.

Нужные мысли не приходили. Тупо уставившись в пустой лист и просидев минут два-дцать, он понял, что ничего толкового сегодня не выйдет. Выключил компьютер и поднялся в спальню. Лена уже засыпала. Не открывая глаз, она обняла Антона, положила его руку себе под голову и затихла. Он тоже быстро провалился в сон.

Утром они проснулись от настойчивых звонков. Возле ворот кто-то был. Антон взглянул на часы: половина девятого! Кого могло принести так рано? Да еще в воскресенье. Может, местная шпана балуется? Детей перебудят. Лена сидела на постели и тревожно смотрела, как он одевается.

– Хулиганы, наверное, – успокоил он жену.

– Шугани их, – пробормотала она.

Спросонок Антон не мог попасть ногой в штанину спортивного трико. Справился. Рубашку надел уже на ходу.

Звонки продолжались. Мелькнула мысль, что это могут быть штучки папарацци для неприглядного фото: известный писатель, небритый, волосы всклокочены, в глазах испуг. Подходящий снимок в желтую прессу под названием «Провинциальная жизнь знаменитости». Надо сначала взглянуть на домофон.

В замке входной двери торчал ключ. «Странно, – подумалось ему, – вроде с вечера дверь закрывали, а ключ вытащили». Неясный страх шевельнулся в груди. У ворот на секунду взвыла сирена – словно по нервам резанула. Антон забыл о ключе и домофоне, выбежал на террасу и окончательно убедился, что там не фотографии. Отблески мигалки за высоким забором не оставляли сомнений.

Говорят: горе затмевает разум. Иногда случается наоборот: мозг человека становится фотоаппаратом, фиксирующим мельчайшие детали происходящего, выхватывает из окружающей действительности отдельные кадры, сосредоточивается на них. Разум пытается защититься от кошмара, замыкаясь на чем-то привычном и понятном.

Полицейскому узику потребовалось около минуты, чтобы доехать от дома к лесу. Но за этот короткий отрезок времени масса мелочей промелькнула перед глазами Антона: начищенные до блеска пуговицы на форме лейтенанта – видимо, драит их каждый день; коротко стриженный русский затылок сержанта за рулем – интересно, выдают ли им деньги на парикмахерскую или за свои стригутся? натоптанный тяжелыми ботинками пол в машине – у них свой сервис или им делают скидки на автомойках? пахнущий бензином воздух, в котором дергались пылинки; потертые сиденья; засохшие следы дождя на стекле и еще много чего зафиксировал мозг, пытаясь не впустить в себя самое главное, о чем тихо, скороговоркой сообщал Антону лейтенант.

Ребенка обнаружил местный старожил. Дед Евлампий уже девятый десяток гонял сюда коров. В последние годы реже, а теперь и вовсе за лето два – три раза. Сильно болели ноги. И ходить вроде далеко стало: с другого края поселка. А капризной Апрельке нравилась густая трава. В этот день решил он побаловать скотинку, встал на зорьке, и пошли они краем леса на опушку. Отпустив коровенку пастись, старик заковылял к полянке. Сейчас снимет он сапоги, посидит чуток – и ноги отпустит. Что там краснеет? Аль пьяный кто лежит? Евлампий прищурился, подошел ближе. Ох, святые угодники!

Перекрестившись, он попятился. Кинулся через опушку на дорогу к поселку, забыв о больных ногах и корове. Из ближайшего дома выходила на работу местная почтальонша.

– Стой, Дарья, стой! – закричал дед.

Что толку строить запоздалые версии, да еще приправленные изрядной долей мистики? Какая теперь разница, кто виноват в гибели сына: реальный зверь или сказочный волчок? Это не причина, а следствие. А конкретная причина в том, что ни он, ни жена не догадались убрать ключ подальше с глаз. Это по их вине погиб Алешенька.

Антону стало казаться, что логика в случившемся есть. Адская логика. В каком-то смысле Лена не ошиблась насчет визуализации. Он зарабатывал на жизнь, придумывая жуткие вещи. Они стали частью его мира, но до времени существовали только в голове, кормили семью, помогали безбедно жить. А потом что-то случилось – и монстры вышли наружу. Кто-то решил, что пришла пора платить по счетам.

– Допустим, ты права. И нечто... – Антон на секунду запнулся, – из мира нематериального вошло в наш мир. Что нам делать?

Он не верил, что произнес эти слова. Со стороны можно было подумать, будто писатель с женой придумывают сюжет новой книги, обсуждая косматых чудовищ.

Лена с подозрением посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, воспринимает ли Антон ее серьезно. И она высказала то, что давно хотела произнести:

– Мы должны отомстить за Алешеньку и убить волчка!

«Все правильно. Должна же невероятная идея иметь логику развития, – пронеслось в голове у Куприна. – Если мухи не дают покоя – нужно их переловить. А чем волчок хуже мух? Только вот проблема: мухи материальны, а серенький волчок приходит из сказки. Как охотиться на черную кошку в темной комнате, если ее там нет?».

Он вспомнил о карабине. Подарок Петра тогда сразу было решено хранить в массивном, из красного дерева, шкафу в кабинете Антона. Ключ от шкафа лежал в письменном столе. «Вепрь» прятался от детей. Но теперь придется прятать его и от жены. «Не дай бог, Лене придет в голову устроить охоту на волчка» – подумал Антон.

Жена словно прочла его мысли.

– Можешь не убирать ружье. Я не возьму его. Ты так и не понял. Думаешь: все просто? Позвал волчка – и он пришел? – она вздохнула. – Не исключено, что он никогда больше не появится, сколько ни зови. Мы не управляем этим. Здесь как с шаровой молнией или летающей тарелкой: если один раз увидел – не факт, что повторится. Но мы должны быть готовы. Я буду ждать, хоть всю жизнь.

Антон ее слова немного успокоили. Лена отдает себе отчет: затея практически неосуществима. Человеческие страхи воплощаются в чем-то конкретном, но это не значит, что, поддавшись им, мы обязательно сходим с ума. Конечно, мысли жены назвать нормальными нельзя. Но разве у него самого нет иррациональных страхов?

Сядь изначалью за новую книгу, Антон обязательно писал две страницы: не больше, не меньше. Потом можно было за один подход набросать всего несколько строк. Или с десяток листов. Но в первый раз – только две страницы. Неужели нужная мысль навсегда испарилась бы из головы, нарушь он это правило? Куприн не помнил, когда начал следовать такому рас-

порядку. Может быть, писательское суеверие – это нечто другое, чем вера Лены в сказочного волчка, однако нормальным его тоже не назовешь. Что случится, если в следующий раз написать одну страницу? Витины мухи и волчок жены имели решения. А как поступит он? Проверять не хотелось. И у кого из них больше прав кинуть камень?

– Леночка, милая, – Антон обнял жену, принялся покрывать поцелуями лоб, щеки, губы. Она всхлипнула:

– Я запуталась. Что нам делать дальше, Тоша?

– Не знаю, милая, в таких случаях люди говорят: надо просто жить.

Лена сжала его руку. Заплакала и затрясла головой.

– Пошлый, пошлый и никчемный совет! Люди не понимают, что говорят. Как жить, если невыносимо больно?

Антон нечего не ответил. Когда создаешь книгу, можно из множества вариантов развития сюжета выбрать один – лучший с точки зрения писателя. И там вопросы не повисают в воздухе. А у жизни автор другой.

Дни ползли невыносимо медленно. Уходил ноябрь, потянуло стужей, но мороза еще не было. Казалось: осень длится вечность и не предвидится ей конца.

Антон дописал повесть. Немного отредактировать – и можно вручить издателю.

Лена целыми днями занималась Сашенькой, затеяла в гостиной перестановку мебели. Затем решила выращивать в оранжерее салаты. Ей понадобились стеллажи с полочками. Антон предложил съездить в садоводческий магазин.

– Тащиться в Москву я не хочу! – наморщила лоб Лена. – Что-то интересное вряд ли купишь.

– Не морщись, такой и останешься, – поддел Антон. – А развеяться надо.

Лена улыбнулась и показала язык. Это была ее первая улыбка за последние месяцы. Сейчас Антон почувствовал: жизнь, возможно, налаживается. Они пропустили горе сквозь себя. Оно никуда не исчезло, но огромный черный ком в душе стал немного прозрачнее, и через него пробивался свет.

– Я в магазине слышала от местных: здесь живет хороший столяр-краснодеревщик, он делает мебель на заказ. Оригинальные полочки наверняка соорудить может. И недорого.

Антон про себя усмехнулся: Лена все не может привыкнуть, что тоже местная. Впрочем, и он сам поступал так же. Наверное, они все-таки снобы.

– Да, главное – недорого! А чем он их выстругивает? Топором?

Лена в эту минуту перекаtywала легкий стеклянный столик в другой конец гостиной. Остановилась и с шуточной укоризной взглянула на мужа.

– Ты бы радовался! У тебя жена такая экономная! Вот получишь деньги за повесть – тогда и продолжим барствовать.

Шутки шутками, но в словах супруги была доля истины. Их финансовое положение тревожило Антона. Да и огромный дом требовал немалых расходов. Однако новая книга могла все исправить. На прошлой неделе в Москве он разговаривал со знакомым режиссером и продюсером – Валентином Солем. Они были в отличных отношениях, и Антон вкратце рассказал о повести. Соль поведал, что подыскивает сценарий. Хочет ставить фильм в Польше.

– Мой друг, если договоримся с поляками – я обращусь к тебе, – подмигнул он Куприну.

Перспектива обнадеживала. Антон снова входил в рабочий ритм. А это означало: нужно приниматься за очередную книгу, идея которой уже несколько дней занимала его. Не бог весть что, но сойдет. Он презирал макулатурщиков, выдающих со скоростью пулемета однодневное чтение в мягкой обложке. Но пока престиж таланта должен был уступить место выживанию и коммерции. Ничего. У всех авторов есть проходные вещи, падения и взлеты. Летом он возьмется за серьезную тему.

Антон играл с Сашей, пока Лена ездила к столяру. Вернулась немного смущенная.

– Следовало сходить пешком. Здесь недалеко. От него даже наш дом видно. Теперь все подумают, что мы и в туалет на машине ездим.

– Пусть думают. Езда на машине к соседям законом не запрещена. Тебя беспокоят перекусы здешних кумушек?

Жена махнула рукой.

Антон нежно смотрел на Лену. В последнее время лицо ее посвежело, почти пропали темные круги под глазами. А сейчас с холода на щеках появился легкий румянец. Какая она красавица! Наверняка этот столяр положил на нее глаз.

– Ну, и что сказал старик?

Лена потерла ладошки. Включила чайник.

– Я тоже думала, что он окажется бородатым мужиком в телогрейке, с сигаркой в зубах. А он вовсе не старик. Молодой человек, лет тридцати или чуть больше. Одет по здешней моде очень хорошо: жуткий клетчатый пиджак, непонятного фасона брюки. А вот очки дорогие, стильная оправка. Лицо ухоженное. Повадками больше похож на менеджера, чем на столяра. Кстати, он действительно делает мебель. Настоящий народный умелец. Представляешь, сначала моделирует заказы на компьютере! Даже странно как-то.

Она достала две чашки, налила чаю.

Антон отдал Саше машинку, сел за стол.

– Подозреваешь: он тайный агент? Отличная идея для книги. Ухаживает за собой человек в меру возможностей – что удивительного? Зачем ему работать в парадной одежде? Наверное, о нас он думает то же самое: откуда взялись эти чудаки? Вот это и есть стереотип мышления. А помнишь, ты когда-то считала всех писателей высококобыми угрюмыми эгоистами? – улыбнулся Антон.

– Ну, это когда было! – Лена кокетливо пожала плечами, присела рядом. Саша тут же залез к ней на колени.

– Видела его работу. Мебель он делает потрясающую. С резными узорами. В Москве похожих гарнитуров я не встречала. Эксклюзив! Ему бы в Европе жить, в эпоху Возрождения. Одним словом – мастер!

Лена взглянула нерешительно на мужа.

– Тош, вот я подумала... Наверное, мы сможем себе позволить что-нибудь заказать ему из мебели следующим летом?

Антон кивнул.

– Там видно будет. А что с полочками?

– К концу следующей недели обещал сделать. И сам привезет. Я дала ему свой номер. Галантный такой. Кофе предложил.

– Ну, Ленусик, появился у тебя поклонник, – пошутил Антон. – Еще и денег за работу не захочет брать, вот увидишь.

– Перестань, Тоша. Не хватало ревновать меня к деревенским, – прыснула от смеха Лена.

Антон возвращался из Москвы. В свете фар внедорожника белыми искрами мелькали снежинки. Февраль выдался снежным и мягким. На душе было спокойно, словно гора свалилась с плеч. По его повести Валентин Соль будет снимать фильм, совместно с поляками. А он напишет сценарий.

Это большая удача. Впрочем, везение ни при чем. Не нужно скидывать со счетов собственный талант. Повесть действительно вышла хороша, и книга раскупалась мгновенно. Критики, конечно, придрались к мелочам: на то они и критики, но в их отзывах было подлинное уважение. Антон чувствовал, что впервые после смерти сына к нему возвращается прежняя

уверенность, как когда-то в начале писательской карьеры. Тогда он был готов горы свернуть, несмотря ни на какие обстоятельства.

Съемки планировались на апрель. За два месяца нужно написать сценарий. Для такой серьезной работы времени маловато. Но он успеет. А когда все закончит – он, Леночка и Сашенька отправятся куда-нибудь на острова и проведут там столько времени, сколько захотят.

Антон въехал в поселок. Повернул на центральную улицу. Редкие сельчане оборачивались ему вслед. Нормального контакта Антон и Лена с ними не наладили. Наверное, для местных они и останутся богатеями из Москвы. Лена как-то в магазине услышала, что их так прозвали – «богатеи из Москвы». «Ну что ж, какими хотите нас видеть – такими и будем» – подумал тогда Куприн.

Следовало проехать на другую сторону поселка, потом повернуть направо, миновать еще несколько домов, снова повернуть – теперь налево, и там уже виднелось их имение.

За поворотом, на обочине возле высокого дома, дергался облупленный жигуленок, буксуя в глубоком снегу. Видимо, хозяин пытался заехать во двор. Антон неожиданно для себя решил помочь.

Он остановился, но двигатель глушить не стал. Куприн не встречал этого соседа раньше, хоть и жили они близко друг от друга. Подумал, что владелец колываги – дедок. Однако шофером оказался молодой парень. Блеснули дорогие очки.

«Однажды я слышал об очках, – подумал Куприн. – Был необычный разговор... Помоему, это Лена говорила. Постойте, так это наш сосед столяр!» – вспомнил он.

Подошел к парню. Тот заулыбался и протянул руку.

– Добрый вечер. Спасибо! Не проехали мимо. Поможете?

Куприн кивнул.

– Конечно. Буксиром дернем?

Парень замахал руками.

– Нет-нет, не стоит! Здесь бы только немного раскатать. Давайте, вы сядете за руль, а я сзади подтолкну?

– Ну что ж, рискнем.

Антон втиснулся в машину. Салон выглядел на удивление аккуратным. Сильно пахло свежим деревом и лаком. Над лобовым стеклом, где водители обычно крепят образок, висела женская фотография. Приборная панель светила тускло, кто на снимке – не разглядишь.

– Давайте! – раздался голос.

Он газанул, потом еще разок, раскатывая машину. Жигуленок натужно заворчал и выполз из снега. Антон вылез из машины.

– Спасибо большое, выручили! – столяр снова протянул руку. – Я Володя, местный мастер, мебель делаю на заказ. Наверное, ваша жена рассказывала?

Антон представился, хотя и без того было ясно, что парень его знает.

– Глубоковат снежок для такой машины, – сказал Куприн и тут же пожалел. Прозвучало это снисходительно. Однако Володя не обиделся.

– Если бы не работа – сидел бы я дома, да чаек попивал. Но, как говорится, волка ноги кормят. Зимой в это время заказов почти нет, а какие и есть – выбирать не приходится.

Парень говорил обычные вещи, но разговор Антона тяготил. «Услужливый он какой-то, этот столяр, или краснодеревщик, – подумал Куприн. – Улыбается, шутит, а сам внимательно рассматривает. Взгляд настороженный. Любопытно вживую увидеть писателя».

Сосед был не против поболтать еще, но Антон извинился, сказал, что торопится домой. Отъезжая, он глянул в зеркало: парень стоял на дороге и смотрел ему вслед.

Куприн тряхнул головой, освобождаясь от неприятных впечатлений. «У нас к человеку с именем и достатком всегда относятся заискивающе, а в душе – черная зависть. Ну их всех!» – решил он.

Заехав в гараж, Антон почему-то вспомнил фотографию на стекле жигуленка. Видимо, романтик столяр приклеил фото какой-нибудь актрисы или певички.

Дни за работой проходили быстро. Сценарий, несмотря на споры с режиссером Солем, корректировки и уточнения, продвигался хорошо. Количество написанных страниц росло. Если так пойдет и дальше – скоро можно будет лететь на острова.

Лена чаще улыбалась, становилась похожей на себя прежнюю. Помогала в этом и Галина, в последнее время она приезжала в гости чаще. Иногда Лена ездила к ней в город. Петр бывал реже, в основном они виделись с Антоном в Москве.

Но бывали у Куприных минуты, когда оживленный разговор вдруг прекращался, и они виновато глядели друг на друга, словно прося взаимного прощения за то, что забыли о случившемся. Волны печали накатывали на них, и в глазах жены появлялись слезы. Но это уже были слезы смирения, а не мучительного отрицания смерти.

Лена занимала себя работой по хозяйству. Забот хватало. Среди прочих дел она действительно всерьез увлеклась садоводством и каждое утро приносила на кухню из оранжереи пучки ярких зеленых салатов.

Антон подшучивал.

– Ленусик, открывай бизнес. Будешь продавать салатки на местном рынке. Каждый захочет купить зелень у такой красавицы из Москвы.

– Насчет красавицы согласна, – невозмутимо парировала она. – А вот для продажи не хватит. Ты с таким удовольствием ее трескаешь! Не успевает подрасти. Попробовал бы повозиться сам. Думаешь, это легко? Впрочем, тебе не понять. Ты и ничтожные дела земные – несовместимы. А вот Лев Толстой сено косил и не чурался физической работы, – Лена подтрунивала над мужем.

– Так я ведь лужайку постригаю! – возмущался сквозь смех Антон. – И вообще, разделение труда – великая вещь. Кому-то руками работать, а кому-то книжки писать. К тому же это Лев Толстой. Вот когда стану гениальным классиком – тогда выйду в поле с косой. А пока и сенокосилки хватит.

– У нас все будет хорошо. Ты и сейчас самый лучший писатель, – нежно сказала Лена и обняла мужа.

В последний понедельник февраля, утром, Антон уехал в Москву, на киностудию. Поначалу они планировали отправиться всей семьей и после завершения дел походить по торговому центру, но Саша накануне начал подозрительно кашлять, и Лена осталась с сыном дома.

Было морозно. Задувал колючий ветер, и стелилась поземка. Прогноз обещал сильный снег. Тем не менее календарная зима заканчивалась, и весна уже угадывалась, пусть не за окном, но в мыслях и настроении.

Кашель оказался ложной тревогой, и к обеду ребенок вовсю распалился. Лена успела пройтись по дому с пылесосом, искупала кота, навела порядок в холодильнике и теперь стояла перед плитой, размышляя, что приготовить на ужин. Решила особо не мудрствовать, а просто запечь курицу с овощами. Поставила противень в духовку и позвонила Антону. Он был уже на полпути к дому. Судя его по таинственному голосу, все было прекрасно. Лена хорошо знала склонность любимого к загадочности, когда работа шла особенно успешно. И сейчас его настроение передалось ей. Она подхватила сына, чмокнула в лобик и, напевая, закружилась с ним по кухне. Саша заливисто рассмеялся.

– Мапочка, давай самолетик!

Лена подняла его повыше, он расставил руки, загудел – и импровизированный самолет понесся по комнатам.

– Главный, разрешите посадку на диван!

– Посадку разрешаю, – скомандовал Саша, и они приземлились. Лена тяжело дышала.

– Какой ты тяжелый стал, сынуля! Скоро не подниму тебя, – она разворошила рукой его светлые волосы: похоже, сын пошел в маму и будет блондином. Хотя волосы могут со временем чуть потемнеть, как это часто бывает с малышами, когда они становятся взрослее.

Из кухни донесся звон мобильного. Лена поцеловала Сашу и побежала к телефону. Кто это может быть? С мужем она поговорила. Наверное, Галинка.

Номер был незнакомый.

– Аллю?

В трубке зашуршало, потом шелкнуло, и послышался женский голос:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придет серенький волчок. Он ухватит за бочок...

Лена оцепенела. словно под гипнозом, она сжимала трубку, не в силах оторваться. И только когда стишок закончился и раздались гудки, она задрожала, и на глазах появились слезы. Лена опустилась на пол, закрыла лицо руками и заплакала.

Все то, что с таким трудом за эти месяцы уходило в прошлое, изранив сердце и душу, вернулось в один момент, обрушившись глыбой.

Сволочи! Какой же мрази понадобилось так издеваться над ними? И ведь нашли самое больное место. Но как они узнали про волчка?

– Мама, мама!

Ребенок стоял перед нею, прижав руки к подбородку. Лена сообразила, что пугает сына. Смахнула слезы и улыбнулась.

– Все хорошо, сынуля, это я коленкой стукнулась, уже прошло. Иди, поиграй с Мурзиком.

Она принялась приводить себя в порядок. Умываясь, Лена вспомнила, что давала интервью для журнала а там о стихах про волчка говорила.

– Проклятый волчок! – прошептала она. – Если ты, тварь, слышишь меня, то знай: я разорву тебя голыми руками, только появишься здесь снова!

Она стиснула зубы, глядя в зеркало. На нее смотрело отражение женщины, способной на все, ради защиты семьи.

Она рассказала о звонке мужу. Антон позвонил следователю Гришину. Тот приехал поздно вечером.

– Мы постараемся локализовать место, откуда звонили. Проверим номер. А вы уверены, что у вас нет конфликтов по работе? – повернулся майор к Куприну.

– Здесь и конфликты не нужны, – покачал головой Антон. – Какой-то сволочи доставляет удовольствие издеваться над нами. Если бы я кому-то перешел дорогу – меня бы попытались облить грязью публично.

– Мой вам совет: поставьте сигнализацию и камеры, – уезжая, сказал Гришин. А про себя подумал, что лучше этой семье вернуться в Москву. Вряд ли звонок связан с преступлением. Вероятнее всего, проделки завистников писателя, хоть он и отрицает это. Или местные решили выжить их. Не любят здесь москвичей.

С утра Антон поговорил со знакомым владельцем ЧОПа, и тот рекомендовал надежную фирму по установке охранных систем. Антон позвонил туда и договорился на пятницу, чтобы мастера приехали пораньше и до вечера закончили работу.

– Может, тебе с Сашкой уехать в Москву на несколько дней? Поживете в гостинице, – предложил он жене. Не хотелось это говорить, но тревога взяла верх.

Лена стукнула по столу пальцами.

– Нет, Тоша. Ты переживаешь за нас, да. За сына я тоже боюсь, но стоит побежать – и превратишься в загнанную жертву. Кто бы это ни был – они лишь мелкие пакостники, им доставляет удовольствие вот так гадить. Я не позволю им...

Она замолчала и вдруг выпалила:

– А от серого волчка и в гостинице не спрячешься. Пусть только появится!

Антон вздрогнул. Он надеялся, что вся мистика осталась в прошлом. Но нет, видимо, Лена прочно убедила себя в реальности этого бреда.

Позвонил Гришин. Новости не обнадеживали. Номер, с которого сделали звонок, регистрации не имел. А телефон находился в Москве, приблизительно в районе Таганской площади. Потом отключился.

Поговорив с майором, Антон в сердцах бросил мобильник: наши доблестные сыщики только в сериалах такие гениальные, на самом деле черта лысого найдут! Следовало с самого начала нанять детектива. Но в те проклятые дни после потери сына об этом не думалось. А теперь время упущено. Но хоть сигнализацию и камеры поставить – шутка полезная. За Лену и Сашу будет спокойнее. Если система, не дай бог, сработает – охрана сюда, конечно, быстро не доберется, но зато втихаря и мышь не проскочит.

Антон достал из шкафа карабин. Проверил затвор. Переложил из глубины полки на край коробку с патронами.

«Что ты делаешь? – мелькнула мысль. – Ты и впрямь думаешь: оружие тебе понадобится?».

Куприн стоял посреди кабинета с карабином в руках, глядя на свое неясное отражение в глянцевой двери шкафа.

– Надеюсь, что нет, – ответил он отражению.

В ночь на среду повалил густой снег. Освещенный цветными фонарями двор и падающие белые хлопья выглядели сказочно. Лена и Саша давно спали. Антон сидел в гостиной у камина, пил виски. На коленях лежала толстая пачка листов. Сценарий закончен, и завтра он должен отвезти его на киностудию. Прodelана большая работа, и, нужно сказать без скромности, прodelана мастерски. История получилась увлекательной, с подтекстом, с массой драматических перипетий. Валентин Соль ее не испортит, фильм наверняка возьмет какой-нибудь приз.

Но почему так нерадостно на душе? Из-за того звонка? Да, но было еще нечто такое, что опять начало тревожить Антона. Словно он упустил какую-то важную деталь со времени гибели Алешеньки. Но что? Следствие дало официальное заключение о нападении волка. Но если быть честным перед собой до глубины души, то придется признать: в эту версию не верится. Она очень фальшивая.

Если бы он описывал подобную ситуацию в книге, то не рискнул бы делать виновником трагедии хищника. Это не дикие сибирские леса, не Африка. Но тогда что или кто? Несостыковок уйма. Криминалисты так и не смогли объяснить странные следы волчьих задних лап на месте преступления.

Преступление! Вот правильное слово! Его сын погиб не в результате несчастного случая. Ленкин волчок, конечно, здесь ни при чем. Призрачные существа причиняют вред только в выдуманных историях.

А если его семье по-прежнему угрожает опасность? Если звонок связан со всем этим? На следующий год, или чуть позже, если дела будут идти хорошо, стоит перебраться назад, в Москву. К черту природу и здоровую экологию!

Пока он убеждал себя, что случившееся – несчастный случай, в доме можно было жить, хоть душа и разрывалась. Но признаться себе, что Алешу убили реальные мрази, и оставаться в этих стенах – такое вынести невозможно.

Идиот! Какой он идиот! И зачем он притащил в эту глухомань жену и детей! Лена предлагала купить готовый дом в ближнем Подмоскowie. Но нет! Ему непременно требовалось огромное поместье, а денег на готовый особняк такого уровня не хватало, вот и пришлось строить подешевле у черта на куличках.

Антон почувствовал, что опьянел. Отставил бокал. Чувство вины за случившееся рвалось наружу. Но если он раскиснет – толку не будет. Завтра нужна ясная голова. И в будущем – тоже. Он напишет много стоящих книг. Ради Леночки, ради сына нужно взять себя в руки. Они уедут отсюда.

Утром снегопад прекратился, все укрыл плотный снег. Лена стояла возле ворот, наблюдая, как внедорожник Антона, словно доисторический зверь, вспарывает сугробы и медленно исчезает за поворотом.

Рано утром у них с мужем был серьезный разговор. Для нее не стало неожиданностью предложение Антона вернуться со временем в Москву. Ей и самой приходили в голову такие мысли.

После мерзкого звонка она перестать убеждать себя, что жизнь здесь наладится и они снова будут счастливы в этом огромном доме. Глупый самообман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.